

Для цитирования:

Шелестюк Е. В. О коренизации словообразования русского языка // Девятнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании : материалы междунар. науч.-практ. Конф. (20-21 мая 2021 г.): сб. науч. ст. / сост. И. Н. Морозова; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2021. – С. 237-263

Шелестюк Е.В.

Челябинский государственный университет

УДК 81`27

ББК 8.006.2

О КОРЕНИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы коренизации русского словообразования на основе исконных морфем как насущного вопроса национальной языковой политики. Обсуждаются основные тенденции языковой ситуации в России, состояние русского языка. Анализируются тезисы высших государственных лиц о мерах поддержки русского языка. Описывается языковая ситуация в ряде референтных стран, которые взяты за образец. Констатируется, что основой современной языковой философии является неолиберализм, способствующий бесконтрольному англоязычному заимствованию слов. Определяются способы и приводятся примеры осуществления англоязычной лингвокультурной экспансии. Обсуждается роль эсперанто как возможного экологичного универсального вспомогательного языка. В заключение делаются выводы и предлагаются меры по улучшению состояния словообразования и других аспектов русского языка с помощью коренизации. *Ключевые слова:* русский язык, эсперанто, языковая политика, коренизация словообразования, исконные корневые морфемы, лингвистическая экология.

Введение

Роль языка в осуществлении власти и управления государством в отечественной лингвистике пока освещена недостаточно. В советское время хорошо изучалось идеологическое воздействие языка, а затем психолингвистическое речевое воздействие на массы. Социолингвистика, бурно развивавшаяся со второй половины XX в., преимущественно регистрировала, категорировала и классифицировала языковые ситуации, статусы и типы языков, виды билингвизма. Но вопрос об отношении к языку и влиянии этого отношения на государственное управление не теоретизировался. Между тем, качество отношения к языкам государства – заботы о них или пренебрежения ими, а также четкость законов о языках и их исполнении, создание условий для использования языков в разных сферах социального взаимодействия, выработка идеалов красоты и правильности речи на них и – самое главное – разработка способов и средств сохранения духа, самобытности языков являются залогом эффективного государственного управления, как и продления в веках и развития соответствующих культур и народов. Наше государство защищает землю мощными вооруженными силами, население мерами здравоохранения и поощрения рождаемости, экономику, содержа мощные службы — таможенную и налоговую. Но не защищает национальные языки, особенно государственный русский язык, от размывания иноязычными словами. В настоящее время языки России во многом отчуждены от власти, от управления в интересах народов, населяющих нашу страну.

Представим себе государство, в котором прекратилось деторождение. Население восполняется только за счет иммиграции иностранцев, которым разрешено не соблюдать местные законы, а жить по своим обычаям. Более того, приезжие распространяют их и на коренных жителей. К тому же иммигранты повсеместно вытесняют с рабочих мест трудоспособных граждан страны. Что можно сказать о будущем этого государства? Наверное, что его нет. А ведь описанная выше страна — это русский язык, а ее граждане — русские слова. Русское словообразование почти исчезло. Теперь «правильными» стали другие слова. А настоящий русский язык многим кажется «устаревшим», смешным.

Благодаря внутренней форме слова мы постигаем суть явления. Если эта суть одиозна, неприглядна или имеется цель подменить суть понятия, его оценочную составляющую, внутренняя форма часто эвфемизируется, затемняется латинизмами или англицизмами. Без четкой внутренней формы слово воспринимается нейтрально. Так, например, стали восприниматься слова, обозначающие негативные явления: суицид (самоубийство), аборт (польск., чешск. «потрат», «скребанка»). С другой стороны, также нейтрализуются и слова, обозначающие положительные понятия, например суверенитет (независимость), этнос (народ). Не в этой ли наукообразной нейтрализации лежит причина приверженности нашего народа к иностранным словам? Проще относиться к вещам безоценочно, тогда какой-либо факт или явление не стимулирует размышление о причинно-следственных связях.

Однако дух народа, его выверенное и зачастую интуитивно верное отношение к вещам определяет внутренняя форма, исконные корневые морфемы. Поэтому развивать словообразование, словотворчество и обогащать словарный состав с помощью исконных морфем очень важно. Проблеме коренизации словообразования, то есть возвращения к исконным основам, корнесловам, и посвящена эта статья¹. Бóльшая часть данной статьи опирается на данные и положения, представленные в работе В. В. Рыбина [10] и в исследованиях М. А. Марусенко [6-9].

Состояние русского языка и языковая политика России

По свидетельству генерального директора Le Monde diplomatique Бернара Кассена, из 10 наиболее многочисленных языков мира наиболее активно англизируется русский язык [Cassen 2008]. Англизированность русского языка подтверждает ряд лингвистов, например, [Lazaretnaya 2012].

Технический прогресс, развитие науки и общественных отношений ежегодно и ежемесячно порождают новые предметы и явления, которые должны получать свои названия в русском языке. Однако порядок словообразования на законодательном уровне не установлен. В итоге для названия новых предметов и явлений используются почти исключительно заимствованные слова. Выбор этих иноязычных слов, способа их написания и произношения совершается произвольно группами лиц, имеющих доступ к средствам массовой информации, и затем может вноситься в словари, утвержденные Минобрнауки, явочным порядком. Таким образом в соответствии с порядком, установленным правительством, русский язык может лишь заимствовать иноязычные слова, но не может ни создавать свои новые русские слова, ни использовать устаревшие слова в новых значениях.

---

¹ В перспективе такого рода коренизацию можно было бы распространить и на синтаксис в его логико-риторическом аспекте, развивать союзы и синтаксические конструкции для эффективного выражения мысли.

В целом в современной языковой политике России можно выделить две тенденции. Первую тенденцию характеризует выраженный либерализм, он касается *заимствований и русской неформальной лексики*. Либеральная тенденция отражает благосклонное попустительство англоязычным заимствованиям – преимущественно простой транскрипцией/транслитерацией, иногда без словоизменения по правилам русского языка и с размытым словоупотреблением при отсутствии устоявшихся правил. Последние два пункта касаются и неформальной лексики (сленга, жаргона, слова низкого стилистического регистра: зашквар, приколы, офигевать и т. п.). Она фиксируется в словарях (ср. «Словарь языка интернета. Ru» М. А. Кронгауза), но словоупотребление такой лексики также не регламентируется, но лишь регистрируется.

Вторую тенденцию знаменует довольно жесткая нормализация, она касается *русской литературной лексики, фразеологии и морфологии* и аналогичного материала других национальностей России. Нормализация связана со строгим регулированием, регламентированием словообразования и словоупотребления, ограничением какого-либо изменения и развития этих процессов. Фактически требование соблюдения строгих норм словоупотребления, единых для всей нашей страны, препятствует естественному словообразованию. В этой связи наиболее креативным в словотворчестве оказывается Михаил Эпштейн, который пытается работать в этом направлении, создавая Проективный лексикон русского языка.

М. Эпштейн пропагандирует, в числе прочего, обогащение лексикона на основе исконного словообразовательного материала и создает достаточно интересные и яркие лексемы как, например, злобевечный — то, что составляет злобу века или вечности; начекизм (от «начеку») — сверхбдительное отношение к любым отступлениям от политической корректности; разномирный, разномирец — человек, принадлежащий другому миру (обществу, культуре, системе ценностей): мы с ним разномирецы; расприроднить (кого, что) — изъять из природы, упразднить природное начало: техническая цивилизация все больше расприроднивает человека; ужаток — ужатый в объеме или весе товар; перлопечатник (ср. первопечатник) — тот, кто печатает только перлы; автор или издатель со строжайшими критериями отбора: перлопечатников мало на свете; безупречный – тот, кто не склонен к упрекам, никого не упрекает; душеядность — стремление подчинить себе чужую душу, присвоить ее энергию, витальность; самотушитель — человек, погашающий свой собственный дар, истребляющий себя духовно и т.д. [Эпштейн Интернет-ресурс].

Фактически, в настоящее время мало словообразования из исконного словообразовательного материала, и оно сводится к неформальной, т. н. низкой лексике, которую мы приводили выше.

Под сенью государства созданы органы, ведающие языком: Общество русской словесности, Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку, Совет по русскому языку при правительстве РФ. Принят закон о языке, выходят подзаконные акты, издаются словари. Однако корпус русского языка остается беззащитным в отношении сохранения национального своеобразия. Это своеобразие, по существу, не охраняют ни государство, ни общество. Если принять метафору В. фон Гумбольдта о языке как духе народа, то можно сказать, что русский дух из года в год исходит из русского языка, и остановить это испускание духа никто не пытается. Большинство лингвистов, действующих в общегосударственном информационном поле, уводят российскую языковую политику от проблем отсутствия словообразования и размытия языка иноязычными словами, отвлекают внимание на правописание и употребление уже

бытующих в лексиконе слов. Однако правильное написание у тех или иных слов в разные времена в России было различным. Яркое тому доказательство — словарь В. И. Даля.

Наибольшую грусть вызывает покорность массового языкового сознания людей, его ментальная колонизация. При возможности выбора между своим словом и чужим, между русским названием и иноязычным большинство выбирает, увы, чужое. Пусть даже длинное и неблагозвучное. Как пишет профессор Санкт-Петербургского государственного университета М. А. Марусенко: «основными причинами распространения английского языка в мире являются экономическое и военное давление, а также сервильность носителей других языков». Важнейшей же причиной принятия решений в пользу английского языка является глобалистский конформизм руководителей, что, как представляется, характерно и для России [Марусенко 2015]. И в этом видится причина упадка русского словообразования и терминообразования, как и языковой политики в части корпуса языка в целом.

Теперь силою денег в наш язык врываются английские слова, изживая из употребления слова русские. Примеров можно привести великое множество: «транспондер» — «приемоответчик», «скрининг» — «отсев», «блэкаут» — «затмение, затемнение», «контент» — «содержание» и др.

Тезисы высших государственных лиц о мерах поддержки русского языка

Выступления президента В. В. Путина и патриарха Кирилла в Обществе русской словесности 26 мая 2016 года знаменовали обострение борьбы за русский язык, которая вышла на уровень первых лиц государства, руководителя государства и главы Церкви. Но, продолжая военную метафору, «дислокация», «противники» и «главные угрозы» были обозначены нашими «генералами от языковой политики» неверно. Поэтому важнейшая задача нашей языковой политики — возрождения ныне практически не действующего русского словообразования — в вышеупомянутых выступлениях упомянута не была. Не были поставлены и задачи развития синтаксиса, логики, риторической красоты речи.

Таким образом, языковая политика России будет продолжать идти по направлениям:

- борьба за «правильность» русской речи и письма, выработка правил орфографии и орфоэпии;
- распространение и поддержка русского языка за рубежом.

Как будто неважно, *каким* будет тот язык, на котором нужно «правильно» говорить и который следует распространять по миру, как будто несущественно *кто и что* будет определять правильность речи.

На деле это означает бесконтрольное заимствование из английского языка. Для России у этого бесконтрольного заимствования имеется несколько важных следствий.

Первое следствие — целенаправленное отдаление русского языка от других славянских языков, увеличение разрыва между носителями языков славянской группы. Будут ли они уважать русский язык, если он изобилует англицизмами? Славянские народы и сами — если захотят — смогут заимствовать слова из доминантного языка, языка лидера монополярного мира, без посредничества русского. Русский язык ценен как *язык мощной славянской нации, способной, как локомотив, нести за собой, развивать и укреплять другие славянские языки.*

Второе: углубляется разрыв между Россией и тюркскими, финно-угорскими, бурят-монгольскими, кавказскими и прочими национальностями нашей страны, поскольку народы России не интересуются языками и литературой друг друга, при том что школьное и вузовское образование обязывает достаточно интенсивно учить английский язык. Пункт

4 статьи 1 Федерального закона № 53-ФЗ гласит: «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве». Но заимствование русским языком преимущественно английских слов создает впечатление, что англичане для русских ближе, чем остальные народы России — татары, буряты, чеченцы и др.

Третье, наш языковой космополитизм отвращает от русского языка народы, которые восприняли русский как язык науки/прогресса или как справедливости/праведности и насытили свои языки русскими заимствованиями и словами-гибридами на русском и исконном морфологическом материале – не в ущерб, а в развитие собственной лексики и морфологии.

Пренебрежение к собственным корням, отрыв от русской культуры и духовности, прекращение связи между поколениями чувствуют равнявшиеся на Россию народы, и это, конечно, не вызывает у них уважения. Народы готовы оставаться в сфере влияния *русской, православной и исповедующей социальную справедливость России*, но не в сфере влияния России глобализированной, космополитичной, смирившейся со своим поражением в Холодной войне и культурном противостоянии, приниженной.

Как видим, пока наше государство отказывается защищать русский язык от главной угрозы — стремительно нарастающего засилья английских слов. Подтверждает это и отсутствие в выступлениях постановки задачи — защиты и развития корпуса русского языка с помощью применения и пропагандирования исконного словообразовательного материала. Также в президентской речи 2016 г. ни слова не было сказано о церковнославянском языке. Хотя новый виток борьбы с ним был отмечен в 2016 году, когда в педагогических вузах из программы обучения по специальности «преподаватель русского языка» предлагалось удалить предмет «история русского языка». К счастью, осуществлено это не было, но и пропагандирования и развития изучения церковнославянского языка не происходит, не в пример тому же древнеанглийскому, который, как и древнегерманскую мифологию, пропагандируют в мировом масштабе.

Мы часто слышим, что русский язык сам справится с вливаемым в него потоком иноязычных слов, ведь раньше-то справлялся. Но раньше условия существования и развития языка были иными: язык мог жить и развиваться на собственной словообразовательной основе, по своим собственным правилам мог создавать свои слова. Не случайно В. И. Даль назвал свой знаменитый словарь «Словарем *живого* великорусского языка». При Дале не было средств массовой информации, подавляющих естественное словообразование. Не было и жесткой нормализации, требования «говорить правильно», то есть только так, как говорят СМИ. В настоящее же время русский язык зависим от бесконтрольного заимствования и жестких правил в отношении исконного словоупотребления.

В XIX веке малограмотными было большинство русских людей. Услышанные иноязычные слова они или заменяли своими, созданными на основе русских корнесловов, или переиначивали чуждое слово как Бог на душу положит: «спирт», «стул», «ярмарка» стали русскими словами и не ощущаются как иностранные. Условием укоренения такого слова было, чтобы оно могло склоняться, спрягаться и использоваться в русской речи интуитивно, без заучивания для него специального правила. В XX веке русские люди, еще слабо обученные жестким правилам языка, говорили по естественным правилам, по аналогии с другими русскими словами — «в пальте» и «без полты». Подобные «ошибки»

слышали, наверное, все люди, которым сейчас за 50 и которые летом отдыхали в русских деревнях. В советское время началась нормализация лексики и морфологии в духе «замораживания» освоения иноязычных заимствований и регламентирования словообразования и употребления исконной лексики. Эти процессы усилились в постсоветский период, они сопровождают нашу жизнь и сейчас. Каков выход? Выход – это *большая свобода языкового творчества*. Конечно, анархия в словообразовании — не лучший выход. Но во всяком случае это возможность для жизни и развития языка.

Языковая ситуация в ряде референтных стран

Обращает на себя внимание перечень стран, с которых предложено брать пример в языковой политике: Великобритания, Испания, Германия и Китай. Франции в этом списке нет. А ведь именно она ведет в последние годы наиболее успешную оборонительную языковую политику, направленную на защиту своего языка от «мирового английского», от размывания английскими словами национального языка и влияния английского на организацию французского словообразования и словоупотребления.

Однако трудно себе представить, чтобы мы могли брать пример с Великобритании, поскольку ее геополитическая ситуация и, исходя из этого, экспансионистская, сетлерская политическая философия, включая языковую политику, прямо противоположна нашей. Англичане ведут наступательную языковую политику, насаждая народам свой язык для официального, а со временем – в случае победы над слабым исконным языком – и повседневного общения (ср. Нидерланды, скандинавские страны, страны Юго-Восточной Азии, ряд стран Африки). А способны ли мы с такой же ловкостью внедрять русские слова в английский язык? К слову сказать, их в английском языке за все полвека взаимодействия англоязычного мира с Россией, насчитывается всего порядка 5 десятков. Можем ли мы заставлять англичан и другие народы учить русский и говорить по-русски в межкультурном общении? Ответ однозначен – в настоящее время не можем. СССР мог.

В мировой политике для популяризации английского языка используется хитрый предлог, доказывающий, что что якобы английский способствует равноправию, так как дает право «голоса» миноритарным народам за счет англоязычного образования. Тем самым английский как бы уравнивает миноритарные языки с мажоритарными, малые народности с крупными государствообразующими народами. Английский захватывает сферы влияния крупных стран и государственных языков, уменьшая их мощь, а зачастую и ослабляя государственность. Глобалистская языковая политика внедрения английского языка во все высокие сферы социального функционирования и его обязательного преподавания во всех странах принижает крупные народы, те, которые могут составить конкуренцию англоязычному миру, усиливает разделение народов внутри полиэтнических государств, т.к. их народы перестают общаться на языках друг друга, изучать и знать их, усиливает сепаратизм. Национальные меньшинства отвращаются от государственного языка, а национальное большинство – от языков народов своих стран. Русский язык и языковая политика России никогда не исповедовали такого принципа, разрушение государственности партнеров и конкурентов противоречит этике и самой сути русских.

Подчеркнем: чем больше показного внимания уделяется языкам национальных меньшинств с заменой языка национального большинства английским, тем больше ослабляются государства и усиливается сетевой транснациональный гегемон с английской верхушкой во главе. Коротко, эту идею можно выразить формулами: *«чем больше языков — тем больше английского»* или *«сначала слабый побеждает сильного, а потом слабого побеждает английский»*.

Как мы можем брать пример с Китая, когда китайский язык не подвержен размыванию, поскольку слишком далек по строю от английского, и к тому же он строго блюдет пуристский языковой принцип? Даже имена собственные по-китайски звучат своеобразно: «кока-кола» как [кхэ кхао кхэ лэ], «мальборо» — [вань бао лу], «Санкт-Петербург» — [Шен би де бао] и. т. д. Про иероглифическое письмо и говорить не приходится. Нас призывают воспринять опыт Китая, но при этом не вести пуристической языковой политики, как это делает сам Китай?

Испания и Германия также являются отнюдь не самыми удачными примерами для России. Брать за образец языковую политику перечисленных стран — явно ложный путь. Испания, несмотря на обширнейшую зону языкового влияния, а точнее, напрямую из-за наличия этой зоны, целенаправленно ослабляется как политико-государственное образование (отсюда яростный сепаратизм Каталонии, Государства Басков, превознесение каталонского языка и ослабление кастильского, отсюда насаждение английского языка в Латинской Америке).

Сегодня испанский язык является главным соперником английского языка в мире по распространенности, силе и изучаемости. Другие языки едва ли могут сравниться с ним. Эсперанто после 1945 года стал мешать глобалистским устремлениям англоязычных стран и начал терять популярность, а после 1991-го и вовсе был приведен в упадок. Китайский, хотя он и является родным языком для наибольшего числа людей на планете, в счет можно не брать, поскольку он пока малопригоден для изучения иностранцами.

Таблица 1

Число носителей языков по языковым группам (по данным Ethnologue.com, март 2017)

Языковая группа	Млн человек
Сино-тибетская	1300
Романская	800
Арийская	770
Германская	500
Славянская	310
Семитская	280

Таблица 2

Число носителей языков, млн чел., по данным Le Monde Diplomatique, 2008

Китайский	От 840	До 1000
Хинди	360	500
Испанский	330	400
Английский	280	400
Арабский	220	240
Португальский	170	180
Русский	144	170

Японский	122	128
Немецкий	90	96
Яванский	85	
Французский	68	

Германская группа языков, в которую входит английский язык, по этим данным, уступает романской группе. Испанский язык наиболее легок для изучения, и в этом состоит его главное преимущество. После двух-трехдневной подготовки испанским могут пользоваться на бытовом уровне носители родственных ему языков романской группы — более 700 млн человек. Число же носителей языков англо-германской группы — менее 600 млн. Сходство с латынью также добавляет привлекательности испанскому. Кроме того, неприязни к испанцам в Европе и в мире гораздо меньше, чем к англичанам и американцам.

Итак, можно выделить четыре основные достоинства испанского языка: 1) легкость для изучения, 2) большое число носителей родственных языков, 3) сходство с латынью и 4) отсутствие неприязни. Если целью глобального гегемона является сохранение и упрочение глобального доминирования, то из всех преимуществ испанского языка проще всего ослабить второе — «семейственность». И успехи невидимой руки англосаксов здесь налицо.

Во-первых, изучение языков романской группы в школах повсеместно сократилось. Например, если раньше испанец в Париже обычно спрашивал о чем-либо по-испански и получал ответ по-французски, то в последние годы все чаще диалог происходит по-английски. Во-вторых, это сепаратизм, сотрясающий Испанию уже много десятилетий, а то и столетий (ср. выход Португалии в начале XVIII века из личной унии с Испанией). Можно заметить, что в Каталонии призывы к независимости, как правило, написаны по-английски. Зачем же может быть нужно это отделение? Любое деление ведет к ослаблению, и отделение Каталонии ослабит Испанию. Но ни в военном, ни в экономическом отношении Испания ни для кого не представляет угрозы. Отсюда вывод: расчленение Испании нужно для ослабления испанского языка. То есть Испания опасна не как сильное государство- конкурент, а именно как *носитель сильного и одного из самых многочисленных по числу говорящих языка*.

Германия же, некогда служившая примером национального языкового строительства, после 1945 г. и особенно после падения Берлинской стены сама стала без сопротивления и в огромных количествах заимствовать английскую лексику, зачастую практически без адаптации. И хотя, по утверждению Бернара Кассена, русский язык является самым англоязычным из десяти наиболее распространенных в мире, место Германии среди стран англоязычного влияния также одно из первых. Как отмечает М.А. Марусенко, кричащим парадоксом в языковом режиме ЕС является статус немецкого языка, не соответствующий ни численности его носителей от рождения (более 90 млн.), ни самому большому числу государств, в которых он является официальным (Германия, Австрия, Бельгия, Люксембург, Италия) [Марусенко 2013]. Немецкий не является официальным языком ООН, хотя он с 1974 г. имеет статус языка документации; он также не является официальным языком НАТО. Носители немецкого языка все хуже переносят эту ситуацию, принимая во внимание политический и экономический вес Германии и ее влияние в Центральной и Восточной Европе [Concise Encyclopedia..., 2001].

Неолиберализм как основная современная языковая философия

Если говорить о философской основе языковой политики в России в настоящее время, то она представляет собой постулаты неолиберализма. И противоборство в языковой политике России, как и в других областях политики, происходит между двумя философиями – неолиберальной и консервативной.

Неолиберализм утверждает, что в странах с либеральной политикой ВВП растет быстрее, экономика работает успешнее, доходы на душу населения выше, чем в странах с консервативной политикой. Эта логическая конструкция переносится и на языковую политику. На ней знакомые призывы — уменьшить влияние государства на язык и дать ему «свободно» развиваться, сократить запретительные меры и ограничения, продолжить влиять на язык лишь пропагандой чтения книг и улучшением обучения в школах и вузах. Да, народ активно заимствует иноязычные слова, ретиво учит английский язык, но причиной тому – очарование иностранным, нездешним, мечта о несуществующем «лучшем» Западе. Выше мы упоминали метальное поклонение перед чужим (сильным, успешным, современным), сервильность сознания и конформизм. Но по словам теоретика языкового империализма Роберта Филлипсона, «ни навязывание, ни мнимая свобода выбора не свободны от (политического, экономического, культурного) контекста. Выбору доминирующего языка способствует как фактор давления, так и фактор притяжения, навязанной фасцинации, очарования успешностью, силой, процветанием чужой культуры» [Phillipson Интернет-ресурс]. Таким образом пресловутое активное стремление самого народа к престижному иностранному языку и культуре не означает отсутствия глубинной несправедливости в отношении к отечественному языку и культуре, к наследию предков.

Ныне действующие постановления правительства РФ и назначенных им компетентных органов не допускают русского словообразования и при этом не препятствуют размыванию нашего языка иноязычными словами и правилами словоупотребления. В Обществе русской словесности предположительно преобладают представители именно либеральных взглядов, это предположение сделано на основании названий рабочих групп, входящих в состав комиссии. Ни одна из них не намерена противодействовать главной угрозе русскому языку — отсутствию словообразования. Представители консервативного направления считают, что силы, влияющие на языковую политику тех или иных стран, бьют кнутом санкций непокорные государства и дают пряник экономического благосостояния покорным. Россия не должна ни за какие посулы отказываться от того, что делает нас русскими, — от русского языка. Мы развиваем вооруженные силы и осуществляет импортозамещение для обретения самостоятельности, и языковая политика России должна идти в том же направлении — от покорности к независимости.

Меры, предлагаемые либералами от языковой политики, ограничиваются улучшением преподавания русского. Консерваторы же требуют не ограничиваться этим шагом, но также ввести ненавистные либералами меры государственного регулирования исконного словообразования и обязательства выполнять правила. По словам либералов лингвисты не устанавливают нормы, они их кодифицируют. Однако, к речи народа лингвисты прислушиваются мало, удачные и вполне литературные словообразовательные находки поэтов, писателей, интернет-блогеров и прочих креативных деятелей, имеющих дело с языком, практически не кодифицируются. Современные российские лингвисты наблюдают прежде всего за языком СМИ, порой слепо копирующих западные новости, и записывают в словари в качестве литературных норм иноязычные заимствования. Также

они занимаются кодификацией сленга, жаргона, арго и прочих вариантов сниженной лексики.

Утверждение, что русский язык обогащался заимствованием все свое существование является подменой количественного анализа на качественный. Как если бы врач заявил, что определять количество лейкоцитов не имеет смысла, поскольку лейкоциты есть в крови всех здоровых людей и всегда присутствовали в крови больного. Но чтобы решить, болен человек или здоров, нужен не качественный анализ крови, а количественный. Ясно, что лейкоциты в крови есть, но нам важно знать, сколько их. Так же и с языком. Заимствование слов было и есть, но важно знать скорость заимствования. Если она повышена — язык болен и требует лечения, если сильно повышена — язык в опасности и требует решительных и неотложных мер для спасения. «Целенаправленное воздействие англоговорящих стран на русский язык — выдумка сторонников теории заговора», — считают некоторые. Однако во Франции за последние 70 лет было проведено множество исследований иностранного целенаправленного воздействия на французский язык с целью его размывания и отдаления от родных ему языков романской группы. В России результаты таких исследований не публиковались, и, видимо, они не проводились.

Заметим, что в странах Юго-Восточной Азии, с которых нам предлагают брать пример приверженцы либеральной языковой политики (Сингапур, Тайвань, Шри-Ланка и др.), уже бабушки не могут объясняться с внуками, настолько распространился там английский, вытесняя из официальных сфер национальные языки, и настолько изменился там языковой ландшафт всего за два поколения. Статус английского языка как официального, языка науки и высшего образования прочно укрепился, более того, начав с положения лингва франка, английский повсеместно распространился на сферы повседневно-обиходного общения. И при этом ВВП и уровень жизни выросли многократно — как бонусы за аффилиацию с англоязычными структурами и идентификацию с населением англоязычных стран.

К современным лингвистам есть еще множество упреков. Почему не «кодифицируют» склоняемость существительных? Как узнать, склоняется слово «праймериз» — как слово «карниз», а «трейд-ин» — как «грузин», или нет? Почему стало нормой использовать по примеру английского языка существительные в качестве прилагательных, да еще и не склонять их вместе с существительными: «интернет-банкинг», «онлайн-регистрация»?

Почему не ставится вопрос о заимствовании слов из славянских языков, из языков национальностей России? Разве мы не заинтересованы в сближении с ними? Как отмечалось выше, пункт 4 статьи 1 Федерального закона № 53-ФЗ гласит: «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве». Однако практика развития русского языка после принятия этого закона свидетельствует об обратном. Язык заимствует английские или латинские слова. Порядок их написания, произношения, склонения (согласования по роду и числу) определяется согласно ныне действующим Правилам орфографии и пунктуации русского языка от 1956 года, «в словарном порядке». То есть каждое слово подлежит заучиванию отдельно. Прежде всего это затрудняет изучение русского языка представителями других народов России.

Заимствование русским языком преимущественно английских слов создает впечатление, что англичане для русских ближе, чем остальные народы России — татары, буряты, чеченцы и др. Также неустроенность русского языка, отсутствие порядка

словообразования, словозаимствования, отсутствие контроля за публикацией все новых иноязычных слов, незащищенность от неограниченного размывания заимствованиями ведут к снижению его изучаемости в странах ближнего зарубежья и к повышению изучаемости английского языка. Что в свою очередь влечет приобщение народов России и ближнего зарубежья к английской культуре и к отдалению их от культуры русской.

Способы и примеры осуществления англоязычной лингвокультурной экспансии

Все вышесказанное, а также наблюдения за изменениями в русском языке, позволяют увидеть сквозь явления и факты общую канву, четкую стратегию целенаправленного, хорошо организованной, тщательно спланированной и щедро оплаченной деятельности англоязычных держав по продвижению своих интересов, в том числе, воздействию на языки мира. Способы этого воздействия, некоторые из которых обсуждались выше, таковы:

- закрепление за английским языком практически официального статуса языка науки (последствия этого факта нуждаются в тщательном анализе);
- доминирование английского как языка культуры, внедрение его в том или ином виде в обиходное общение;
- скрытность, постепенность вносимых в языки изменений для снижения их заметности, поддержание мифа о «свободном рынке языков и слов», а на самом деле – высокотехнологичное регулирование доминирования английского языка;
- размывание корпусов национальных языков английскими словами и правилами словоупотребления;
- разрушение связей между родственными языками крупнейших языковых групп, в том числе славянской;
- поддержка языков малых и ослабление языков крупных стран и народов, способных составить конкуренцию англоязычному миру;
- стимулирование сепаратизма внутри национальных государств в пользу транснациональных англоязычных структур;
- завоевание и поддержание господства английского языка во всех частях света, развитие англоязычной «языковой педагогики», создание фондов, посылающих преподавателей английского языка (носителей и все чаще более дешево оплачиваемых неносителей языка) по всему миру (ср. English First), стимулирование спроса на учебники и учебные пособия по английскому языку.

Цели глобалистской языковой политики

Как представляется, целями глобалистской языковой политики и обусловленных ею англоязычной лингвокультурной экспансии и воздействия на национальные языки являются:

- краткосрочно — извлечение значительной денежной выгоды англоязычными державами из статуса английского языка как международного (часть этих средств как раз и тратится на подавление языков-соперников, в том числе русского языка);
- долгосрочно — языковая глобализация, использование на планете только одного английского языка;
- конечная цель — изменение национального своеобразия мировоззрения людей всех народов, отрыв их от своих духовных и культурных корней и насаждение англосаксонского протестантского мировоззрения во всем мире.

Особенно ощутимо влияние английского языка на языки стран-конкурентов, свидетельствами тому являются нижеследующие наблюдения. Крупнейшими заказчиками рекламы в СМИ являются транснациональные корпорации. В рекламе в России и на Украине они запускают в обращение слово, например «круиз-контроль»; в той же рекламе в Финляндии — «vakionopeussäädin», а в Эстонии — «püsikiiruse hoidja». А если бы «рынок слов» действительно был свободным, скорее всего, все три языка приняли бы более короткое, логически понятное и наиболее распространенное в других языках слово «tempomat». Получается, что не народ выбирает, каким словом назвать то или иное понятие. Выбирает тот, кто платит, и через СМИ принуждает нас использовать слова по своему усмотрению. Язык крупного народа (конкурента) нужно размыть, поэтому русским — английское слово. Малые народы нужно укрепить, поэтому им — слова на основе их родных корнесловов.

Наглядным примером географической направленности языковой борьбы англоговорящих стран могут служить две таблицы, приведенные ниже:

Таблица 3. Освоение понятия «cruise control» разными языками

Язык	Слово
Русский	круиз-контроль
Английский	cruise-kontrol
Французский	régulateur de vitesse
Итальянский	regolatore di velocità
Датский	Fartpilot
Венгерский	Tempomat
Немецкий	Tempomat
Польский	Tempomat
Словацкий	Tempomat
Словенский	Tempomat
Чешский	Tempomat
Хорватский	Tempomat
Сербский	Темпомат
Эстонский	püsikiiruse hoidja
Финский	Vakionopeussäädin
Литовский	pastovaus greičio palaikymo sistema

Таблица 3. Освоение понятия «participatory budgeting» разными языками

Язык	Термин
Русский	партиципаторное бюджетирование
Болгарский	участие в бюджетирането
Немецкий	Bürgerhaushalt
Голландский	Burgerbegroting
Греческий	Συμμετοχικός προϋπολογισμός [симметохикос пройпологисмос]
Эсперанто	partoprena buĝetado
Испанский	presupuesto participativo
Итальянский	bilancio partecipativo
Финский	osallistuva budjetointi
Эстонский	kaasav eelarvemenetus
Литовский	dalyvavimo biudžeto
Латышский	līdzdalības budžeta
Венгерский	részvételi költségvetés
Французский	budgétisation participative
Английский	participatory budgeting

О возможностях международного вспомогательного языка эсперанто в качестве языка международной коммуникации

До 1945 года эсперанто был весьма распространенным языком. Создание Бреттон-Вудской валютной системы по окончании Второй мировой войны значительно усилило влияние в мире англоязычных держав. Эсперанто стал приходить в упадок. Но еще до 1991 года клуб эсперантистов был в каждом крупном городе мира, и путешественник, владеющий эсперанто, через этот клуб мог получить полное туристическое обслуживание на этом языке — найти гостиницу, такси, гида, ресторан и т. д. После 1991 года эсперанто резко пришел в упадок по всему миру, будучи подавленным победоносно шествующим по планете английским языком.

Но с 2014 года политическое положение на международной арене стало меняться. Мир постепенно перестает быть однополярным, что должно отразиться на всех сферах деятельности человечества — военной, экономической, духовной, религиозной... И конечно, на языковом обустройстве планеты. Тем более что в 2016 году для этого появилась еще одна причина — выход Великобритании из Евросоюза. Брексит может иметь весьма любопытные последствия, особенно если найдется сила, способная придать им нужное направление.

Выход Великобритании из Европейского союза ставит на повестку дня вопрос общего для Европы языка. Благодаря денежной составляющей вопроса (около 500 млрд евро в год Великобритания получает за пользование ее языком [Lukacs 2007]) становится весьма вероятным выбор эсперанто, среди достоинств которого — *равенство* всех членов ЕС перед одинаково чужим для них языком и *дешевизна* (по оценкам, расходы будут в пять-десять раз меньше по сравнению с английским языком). Действия России могли бы подтолкнуть ЕС к такому выгодному для нас решению, ведь «языковая дань» нашей

страны в пользу США и Великобритании сопоставима с выручкой от экспорта нефти. Более того: эсперанто не притягивает граждан России к англо-американским произведениям культуры, к их мировоззрению и обычаям, поэтому выгоден и для внутрироссийских межнациональных отношений.

Европейцы очень хорошо умеют считать деньги, находить причины своих убытков и возможности для получения прибыли. При должном обосновании целесообразности замены английского языка эсперанто не духовными и патриотическими доводами, а денежной экономией и справедливостью распределения доходов и затрат большинство жителей ЕС благосклонно отнесется к таким преобразованиям.

Тем более что перевод всех документов Европейского союза на каждый из 20 языков из-за нехватки переводчиков до сих пор не налажен и уже считается непомерно дорогим. ЕС готов к отказу от ранее провозглашенного многоязычия.

Несколько слов о так называемом «оброке на английский язык». По данным, приведенным в [Lukas 2007], скрытый налог на английский язык в пользу Великобритании составлял в 2007 году около 900 евро с каждого гражданина ЕС в год. Если в нашей стране провести исследование подобное тому, что Арон Лукач провел в Евросоюзе, может оказаться, что Россия платит скрытый «оброк на язык» в пользу англоязычных держав в размере 3 трлн рублей в год¹ [Рыбин 2018]. Эта сумма сопоставима с доходом страны от экспорта нефти. «Настоящее черное золото Великобритании — не нефть в Северном море, а английский язык. Задача, которая стоит перед нами, — полностью использовать его», — вот слова из отчета директора Британского совета за 1987/1988 годы [Марусенко 2014]. При провозглашенном многоязычии и равенстве языков в ЕС доля документов на английском языке выросла с 45,7 % в 1996 году до 80,6 % в 2011 году (по данным Главного управления переводов Европейской комиссии, ММА, с. 60). Многие силы в ЕС давно ропщут на неконкурентные преимущества Великобритании на едином европейском рынке из-за господства ее языка.

Сумма скрытого налога в пользу Великобритании ежегодно растет. По оценкам, в 2016 году она может составлять 1300 евро на человека. Что в нее входит? Ниже приведены данные за 2007 год.

Прибыли Великобритании:

- доход от преподавания английского языка (13 млрд евро в год);
- доход от переводов на английский язык;
- более высокие зарплаты англофонов по рождению;
- отсутствие необходимости у англофонов тратить время и деньги на изучение английского языка;
- выгода англофонов на переговорах и при разрешении конфликтов за счет того, что переговоры ведутся на их родном языке. Убытки и затраты остальных стран ЕС:
- убытки неанглофонов, вызванные потерей информации в связи с тем, что она не была переведена на язык пользователя (оцениваются в 70 млрд евро в год на весь ЕС);

---

¹ 1000 евро умножаем на 150 млн человек (население РФ) и получаем 150 млрд евро, или 9 трлн рублей. Делим на 3, условно полагая, что средний русский в три раза меньше, чем средний европеец, учит и использует английский язык [Рыбин 2018].

- затраты на переводы на английский и с английского языка (только Европейская комиссия потратила 6 млрд евро в 2007 году и 8,5 млрд евро в 2008 году, из которых до 80 % на английский язык);
- затраты на изучение английского языка (60 млрд евро для ЕС в 2007 году);
- время, потраченное европейцами на изучение английского языка, из расчета средней стоимости часа труда в ЕС (210 млрд евро в 2007 году);
- более низкие по сравнению с англофонами зарплаты [Марусенко 2014].

И этот перечень не является полным. При подсчете скрытого налога не учтены:

- доход от произведений искусства и сферы культуры в целом — господство английского языка влечет за собой и повышенный спрос на книги, песни и кинофильмы на этом языке;
- лучшие условия англофонов для получения образования на своем языке;
- доходы англоговорящих стран от языкового туризма;
- другие преимущества, которые трудно, но возможно исчислить в деньгах [Lukacs 2007].

Выход Великобритании из ЕС ставит вопрос: какой язык вместо английского будет господствующим и общепринятым в Европе? Существует немало противоречий, на эту роль претендуют немецкий (Германия имеет мощнейшую экономику), французский (сохранил следы былого величия) и испанский (широко распространен в мире). Использование эсперанто могло бы устранить имеющиеся разногласия и споры.

Сейчас ни в одной стране Европы не найдется силы, способной предложить эсперанто. Отчасти потому, что европейские государства не могут противостоять англоязычным державам в духовном, политическом, экономическом плане. К тому же попытки использовать эсперанто встречают мощное противодействие со стороны англоговорящих стран.

Однако Россия, проводившая в последние годы независимую внешнюю политику, вполне способна выступить в поддержку эсперанто. Следует понимать, что выгода от перехода мирового сообщества с английского языка на эсперанто может состоять из двух частей.

Первая — экономия на «языковом оброке». Если эсперанто легче и дешевле английского в пять раз или более, то и затраты на его использование в качестве международного лингва франка могут составить в пять раз меньшую сумму. Не три, а полмиллиарда рублей.

Вторая — экономия за счет отсутствия необходимости противодействия наступательной английской языковой политике. Эсперанто не принадлежит ни одной стране, ни одна страна не заинтересована в его продвижении, во внедрении его слов в другие языки, в подавлении органов языковой политики России.

Главный довод в пользу применения одного международного языка — экономия на переводах. Дешевле, быстрее и проще перевести на один язык, чем на многие. Выгоднее выучить один английский и быть понятым в любой стране, чем учить языки всех стран, с которыми приходится работать или которые нужно посещать. Однако мы несем затраты, а англоязычные страны получают доход. Это несправедливо.

Единственный способ совместить экономию на переводах с соблюдением принципа равноправия всех народов — это использование одного международного языка во всем мире — языка эсперанто. Он станет одновременно своим и чужим для всех, он не дает

рыночного преимущества ни одному народу и ни одной стране. Он самый простой для изучения и использования и способен обеспечить наибольшую экономию в денежном выражении.

Учитывая при этом, что эсперанто не связан с историей, литературой, обычаями и духовными ценностями какого-либо одного народа, получается, что для сторонников патриотической языковой политики любого государства он является идеальным лингва франка.

Сегодня англоязычные страны, проводящие лингвицид малых языков (а нередко и искоренение говорящих на них народов) в своих бывших колониях, насаждают свой язык среди государств, осуществляя агрессивную экспансию. Это происходит по закону о конкуренции наций и языков, о котором следует знать и который следует учитывать.

Если англоязычные державы уступят свое глобальное превосходство другим странам — скажем, испаноязычным, арабским или Китаю, — то не исключено, что новые «господа мира» станут насаждать свой язык. Ни справедливости, ни равенства народов в этом случае ожидать не приходится.

Уже сейчас поспорить с английским языком за господство в мире готовы китайский, арабский и испанский языки. Попробуйте решить для себя, которым из них вы согласились бы пользоваться в качестве международного языка вместо английского, — и вы получите ответ на вопрос, какова вероятность успеха эсперанто.

Эсперанто – это одновременно язык ничей и каждого. Ни одна страна в мире не будет обеспокоена в навязывании эсперанто, в размывании чужих языков словами из этого языка. Это всего лишь универсальный вспомогательный язык межнационального и межкультурного общения.

Да, конечно, принятие эсперанто всем миром в качестве языка межгосударственного общения пока является лишь светлой мечтой. Этому будут препятствовать народы, стремящиеся к мировому господству, которое неизбежно включает в себя и господство языковое. Однако трудность достижения цели не означает, что она недостижима вовсе. Любое общество, определяя направление своего развития, ставит перед собой как близкие, так и далекие цели.

Итак, в языковой политике России внутривнутриполитическими целями должны стать защита русского языка, его корпуса и статуса от английской языковой агрессии; сохранение и укрепление значения русского языка в семье славянских народов и среди народов русского мира.

Внешнеполитической же нашей целью вполне может быть внедрение эсперанто как языка международного общения. Вначале в Евросоюзе, раз там сложилась благоприятная обстановка, затем во всем мире. Союзники и попутчики в этом деле найдутся сразу, достаточно поднять стяг борьбы за эсперанто — и к стягу стянутся друзья, союзники и попутчики.

Кроме того, эсперанто — это как раз то, что Россия может предложить миру. Идеологически он точно соответствует русской идее о равенстве народов — в данном случае равенстве перед единым, одинаково чужим для всех языком.

Существует мнение, что Россия не должна помогать эсперанто, а ей следует усилить роль русского языка до значения евразийского и затем мирового. Однако это предложение неконструктивно и непродуктивно. К сожалению, в сегодняшнем положении сложно предлагать русский язык для межнационального общения иностранцам. Мы сами не способны разобраться с собственными словами, и наш родной язык не будет привлекателен для киргизов или эстонцев.

В странах-лимитрофах замена русского языка английским идет полным ходом под ширмой «отстаивания национальных языков». Нужно ясно понимать и указывать на это нашим соседям: их умело обманывают, делая вид, что русский язык выдавливается в пользу их языков. На самом деле по славной английской традиции наши «партнеры» делают совсем не то, что говорят. Пример — Европейский союз, где под громкие слова о многоязычии насаждается английский язык. Здесь действуют принципы сродни правилам из теории игр: *«Чем больше языков — тем больше английского»* и *«После победы малых языков над большим побеждает английский»*.

Малые языки не могут выстоять в современном мире — как не могут защитить независимость малые страны наподобие прибалтийских. Ушли русские войска — пришли войска НАТО. Прибалтика не освободилась, фактически она сменила хозяина. Так же и с языком. Выдавленный из малых стран русский язык как второй язык общения будет заменен английским. Уже сейчас в Эстонии число людей, знающих английский, выросло ровно на столько процентов, на сколько уменьшилось число знающих русский.

Как это было при ослаблении других государств-конкурентов, проводимое Западом укрепление национальных языков малых стран прекратится, как только русский язык и русская культура будут в достаточной степени подавлены в России. За ненужностью эти малые языки перестанут поддерживать, и они сойдут на нет. Поэтому, если не будет эсперанто — вокруг России будет английский язык.

Используя метафору В. Рыбина [Рыбин 2018], английский язык сегодня — «вермахт» на арене языковой войны. Для русского языка на этой войне сейчас — 1941 год. Мы можем и должны всемерно добиваться открытия нашим союзником — эсперанто — второго фронта против языка-захватчика. Конечно, при этом главные наши усилия направляя на оборону русского языка. На защиту от размывания иноязычными словами, на возрождение русского словообразования, на воссоздание терминологической политики. *Некоторые выводы и предлагаемые меры по улучшению ситуации*

Представляется, что в области языкового законодательства нужно сделать следующие шаги:

- разработать, утвердить и ввести в действие порядок быстрого образования русских слов и аббревиатур для обозначения вновь появившихся предметов и явлений;
- в случае образования слова на основе иноязычного предусмотреть порядок его написания, произношения, склонения, спряжения, согласования по роду и числу по правилам русского языка, применяемым к русским словам;
- продумать меры стимулирования языкового строительства в области словообразования, распространить моду на оригинальное исконное словотворчество, благозвучное словоупотребление. Проводить ежегодные конкурсы новых слов на основе национальных корневых основ. Нужен сайт развития русского языка, который бы ежегодно обновлял результаты конкурсов, избирая от 10 до 100 новых слов и выражений года. СМИ же необходимо обязать внедрять слова и фразы года в обиход, активно помогая языковому строительству;
- ввести квоты на иностранные заимствования в числе новообразованных слов и выражений (не более 20% в год), зато широко привлекать заимствования из языков этнических групп, населяющих Россию. Можно и нужно принять в русский язык слова на основе татарских, бурятских, финно-угорских корнесловов — вместо восприятия только английских и латинских слов. Тем более что опыт таких заимствований был у наших предков, и он соответствует русскому языковому обычаю. Это позволит поднять

гражданскую активность, сплотить общество, дать почувствовать людям, что они хозяева своей страны и они за Россию в ответе. Это важно делать наряду с активным взаимным изучением языков друг друга;

- учитывая возросшую скорость распространения информации, обеспечить непрерывное наблюдение за русской языковой средой, быстрое выявление вновь появившихся предметов и явлений и быстрое (не более года) образование новых русских слов. Публиковать вновь образованные слова в ежемесячном правительственном издании;

- обязать юридические лица России соблюдать правила русского литературного языка, использовать только установленные слова и термины и ввести для юридических лиц ответственность за употребление неустановленных слов и терминов, а также за нарушение правил русского языка;

- назначить или создать государственный орган, ответственный за наблюдение за русской языковой средой, выявление нарушителей и привлечение их к законной ответственности.

Общий смысл предлагаемых изменений — отобрать власть над русским языком у СМИ и ТНК и передать ее государству и обществу.

Отметим любопытный факт: статистика показывает, что обязательное использование формы женского рода для названий профессий в СМИ Франции благотворно повлияло на суммарный коэффициент рождаемости по сравнению с Германией и другими странами Евросоюза. Важно, что сила слова действует на тех, для кого оно является родным, речь идет о росте рождаемости коренных французов. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) во Франции чудесным образом возвышается над коэффициентом рождаемости окружающих ее стран, при том, что денежное вознаграждение за рождение ребенка там несколько ниже, чем в других странах Евросоюза.

Поговорим об экологических способах образования слов от иноязычных.

Первый и основной — это создание совершенно нового слова, никак не привязанного к иноязычному. Примеры: пулемет (*machine-gun*, *mitrailleuse*), летчик (*aviateur*), поршень (*piston*), шатун, палец, подшипник и множество других. «Трейд-ин» можно было бы преобразовать в «прокуп» (от «продал-купил»). Важно создавать и новые понятия, включая абстрактные, отражающие дух народа, и внедрять в употребление наиболее удачные из них (напр. вышеупомянутое «разномирный» М. Эпштейна).

Второй способ словообразования — это калькирование, буквальный перевод иноязычного слова. Пример: «мышь» (компьютерная).

Третий способ — изменение чужого слова на свой лад. Примеры: ярмарка (*Jahrmarkt*), спирт (*spiritus*), койка (*kooi*), кушетка и множество других.

Можно назвать четвертым способом словообразования возрождение забытого исконного слова, а вместе с ним и забытого понятия. Если мы обратимся к словарю В. И. Даля, сложится впечатление, что забыты и не используются более половины русских слов, находившихся в широком употреблении в XIX веке. Во всяком случае больше забыто своих слов, чем заимствовано чужих. Возродим такие слова, как «гласный» («депутат»), «земство» («муниципалитет»), «прясло» («этаж») и т. д., это и станет словообразованием четвертым способом.

Сюда же можно отнести и воздержание от использования иноязычного слова, если есть еще не забытый, но уже малоупотребимый русский синоним: «установка» а не «монтаж», «доброволец» а не «волонтер», «гонец», а не «курьер», «купец» и «приказчик», а не «бизнесмен» и «менеджер» [Рыбин 2018].

Самая главная проблема в том, что нет правил, которые бы определяли бы порядок словообразования и провозглашали его допустимость. Тем самым подавляется русское языковое мышление. Ведь люди задумываются над смыслом и происхождением слов лишь тогда, когда им нужно образовать новое слово. Русский язык предоставляет богатейшие для этого возможности, но отсутствие таких правил не позволяют ими пользоваться.

Итак, противостоять наступательной языковой политике англоязычных держав можно и должно на государственном уровне, с использованием сил и средств, имеющихся в распоряжении государства:

- законодательства;
- органов наблюдения за языковой средой и принуждения;
- системы образования;
- государственной пропаганды;
- финансирования языковой политики, направленной на снижение «оброка на английский язык» и извлечение прибыли от использования русского как регионального международного языка.

Литература

1. Cassen B. Cette arme de domination, La langue — dollar, Anlicisation forcenee dans les enterprises // Le monde diplomatique № 97.
2. Cassen B. La bataille des langues / Le Monde Diplomatique. № 97, 2008 // URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/mav/97> (01.04.2021).
3. Concise Encyclopedia of Sociolinguistics / Ed. by R. Mesthrie. Amsterdam, 2001. 1060 p.
4. Lazaretnaya O. English as a lingua franca in Russia: a sociolinguistic profile of three generations of English users // Tese orientada pela Professora Doutora. Lisbon: Universidade de Lisboa, Faculdade de Letras, Departamento de Estudos Anglísticos, 2012.
5. Lukacs A. Aspects economiques de l'inegalite linguistique // Tatabanya College for modern business studies 2007 // URL: http://www.ekolingvo.com/Aspects_economiques_de_l_inegalite_linguistique.pdf
6. Phillipson R. Linguistic Imperialism // Wiley Online Library // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781405198431.wbeal0718> (01.04.2021).
7. Марусенко М. А. Глобализация и национальные языки // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 4. С. 3-25.
8. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: ВКН, 2015. 496 с. ISBN 978-5-9906061-5-9.
9. Марусенко М. А. Языковая политика ЕС. СПб.: СПбГУ, 2014.
10. Марусенко М. А. Языковая политика Франции. СПб.: СПбГУ, 2011.
11. Рыбин В. В. Государственный язык как орудие власти. С предисловием Николая Старикова. СПб.: Питер, 2018. 256 с. (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»). ISBN 978-5-4461-0693-6